

Эффект зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности

В. В. Нуркова

кандидат психологических наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет психологии

Исследование развивает идеи П. И. Зинченко о деятельностной (мотивационной) регуляции мнемических процессов. Материалом исследования стали воспоминания москвичей о террористических актах в Москве в сентябре 1999 г., полученные с полугодовым интервалом в апреле и октябре 2002 г. Показано, что характеристики мнемического образа не являются стабильными во времени. Ряд параметров чувственной ткани мнемического образа (субъективная яркость и полнота) и его значения (оценка исторической значимости события прошлого) изменяются в соответствии с динамикой смысловой насыщенности воспроизводимого материала, связанной с наступлением сходного по смысловому содержанию события — захвата заложников в театральном центре на Дубровке в октябре 2002 г. Эффект интерпретируется на основе представления о том, что наращивание смысла мнемического содержания через актуализацию его в рамках более высоко мотивированной деятельности иррадирует на другие образующие сознания — чувственную ткань и значение.

Ключевые слова: непроизвольная память, автобиографическая память, деятельностная детерминация мнемических процессов.

Деятельность как процесс целенаправленного взаимодействия личности с предметным и социальным миром характеризуется сложной, иерархически организованной регуляцией. Одно из основных достижений П. И. Зинченко — открытие и эмпирическое обоснование того факта, что явления памяти (в первую очередь, запоминание и воспроизведение) представляют собой, с одной стороны, продукт деятельности, а с другой — условие ее успешного осуществления. П. И. Зинченко показало, что характеристики воспроизведения материала (легкость, объем, точность, полнота) являются функцией места мнемического акта в структуре деятельности; он установил, что эффективно фиксируется и воспроизводится тот материал, который относится к выполняемой деятельности: содержание цели осуществляемого действия закономерно запоминается максимально, содержание обеспечивающих его операций запоминается в меньшей степени, а содержание фоновых стимулов, если и фиксируется, то как эффект постоянного превентивного мониторинга среды («предвнимания», по У. Найссеру [5]).

Принципиально важно, что, в отличие от классической традиции экспериментального исследования памяти, в центре внимания П. И. Зинченко находилась немнемическая по содержанию деятельность, что соответствует (а в его случае — предупреждает) современные требования экологической валидности исследования. Действительно, в обыденной жизни мы достаточно редко ставим перед собой задачу точно запомнить материал. Кроме того, обычно нам го-

раздо важнее запоминать, по классификации Цицерона [13], «вещи», чем «слова» (т. е. обобщенный и сокращенный образ события, а не его перцептивно избыточный слепок). Этой задаче наиболее адекватен процесс, который детально исследовал П. И. Зинченко, — «непроизвольное запоминание».

Принцип специфичности кодирования, предложенный канадским ученым Э. Тульвингом, предполагает «зеркальность» процессов кодирования и извлечения информации [24; 23]. Согласно Тульвингу, доступность той или иной «энграммы» для актуализации определяется совпадением «ключевых» элементов ситуации запечатления и воспроизведения. Для инициированного ключевыми работами Тульвинга цикла эмпирических исследований характерна рядоположенность различных компонентов ситуации — характеристик среды, психофизиологического состояния организма и собственной активности субъекта. Иными словами, принцип специфичности кодирования предполагает пассивность субъекта и, соответственно, признает обусловленность мнемических эффектов исключительно ситуативными причинами. В деятельностном подходе преодолевается ситуационный детерминизм селективности памяти, так как причины и источники мнемических эффектов определяются местом и ролью конкретного содержания в структуре деятельности субъекта.

Наиболее адекватной, по нашему мнению, является трактовка, которую следует назвать «*принципом деятельностной специфичности кодирования*». Согласно такой интерпретации, стабильно кодируются

те аспекты информационного потока, которые соответствуют разворачивающейся деятельности. При постановке и достижении мнемической цели субъекту оказываются доступны только те аспекты опыта, которые составляли содержание целей и условий прошлых действий. При актуализации в ответ на запрос в иной ситуации «пропуски» заполняются конструктивно, исходя из требований новой задачи [8].

Таким образом, методологическая оптика деятельностного подхода дает возможность считать, что содержание основных компонентов различных уровней структурной организации текущей деятельности (мотивов, целей, операций) детерминируют селективность памяти относительно потенциально доступного для запоминания материала.

Несмотря на то что в работах П. И. Зинченко проблема диссоциации процессов запоминания и воспроизведения не артикулирована явно, реально предметом его эмпирических исследований выступал следующий деятельностный конструкт: целенаправленное немнемическое действие решения познавательной задачи --> целенаправленное мнемическое действие воспроизведения содержания задачи (цели или условий). Таким образом, широко известные результаты П. И. Зинченко явились следствием сопоставления мнемических продуктов двух действий, выполняемых с различными, но, безусловно, осознаваемыми целями (задача — «решить» и задача — «вспомнить»). Мотивационную основу этих действий в экспериментах Зинченко можно считать практически идентичной.

Углубление линии рассуждения П. И. Зинченко требует, на наш взгляд, более подробного анализа и соотнесения целей действий как на этапе выполнения немнемического, так и на этапе выполнения мнемического действий для решения задач соответствующего содержания с учетом их мотивационной детерминации. Это важно в связи с предположением, что параметры деятельности, в русле которой происходит извлечение информации, также определяют доступ к тем или иным аспектам занесенного в память содержания. «Подлинную психологическую природу памяти можно адекватно раскрыть, если ее рассматривать не только как продукт предшествующего действия, но прежде всего как условие осуществления предстоящего действия», — справедливо замечает Г. Середя [12].

Следуя логике рассуждений П. И. Зинченко, следует предположить, что не только цель, но и другие компоненты регуляции деятельности (мотивы, смыслы, эмоции) должны вызывать произвольные мнемические эффекты (см.: [3, гл. 3]). Задача, представляющая собой цель, принятую субъектом в определенных условиях, подразумевает связывание с актуальной в конкретный момент времени мотивацией. Соответственно, данная извне (экспериментатором) цель может оказаться релевантной или нерелевантной наличной мотивационной ситуации человека, что должно вести к различной выраженности произвольных мнемических эффектов. Следует

предположить, что с одной стороны, чем более высокое место в иерархии занимает мотив, детерминирующий данную деятельность, тем более эффективно как произвольное, так и произвольное запоминание. С другой стороны, изменение мотивационно-смысловой отнесенности уже хранящегося в памяти материала должно проявляться в динамике не только количественных, но и качественных характеристик мнемических содержаний при их повторных воспроизведениях.

Первое из указанных предположений отчасти исходилось как на примере соотнесения результатов запоминания при вызванной инструкцией актуализации учебной, соревновательной и игровой мотивации (см.: [3, Гл. 6]), так и на примере сравнения особенностей запоминания у лиц с различным типом ведущей мотивации в структуре личности [11]. Однако ни самим П. И. Зинченко, ни его последователями специально не ставился вопрос об изменениях характеристик произвольно запомненного материала в связи с его повторной актуализацией в рамках более высоко/низко мотивированной деятельности (определяемой значимостью и интенсивностью ее мотива, т. е. его местом в иерархии мотивов личности). Вместе с тем в рамках современной психологии накоплен определенный объем фактов, свидетельствующих о наличии указанной связи. Например, было показано, что дети из бедных семей по воспоминанию оценивают размер монеты большим, чем дети из богатых семей [2]. Полученный результат объясняется авторами тем, что для бедных детей мотивационная привлекательность данного объекта (монеты) существенно выше. Однако в контексте анализа нашей проблематики важным является вопрос, является ли причиной искажений размеров монеты мотивационная трансформация образа только в момент восприятия или образ продолжает трансформироваться в зависимости от динамики мотивации и в процессе сохранения и/или в процессе воспроизведения. Этот вопрос остается открытым в исследованиях Брунера.

Очевидно, что феномены произвольной памяти (знания, навыки, воспоминания) порождаются в любой деятельности, любой мотив и любая задача, принятая в рамках актуальной мотивации, обладают мнемическим потенциалом. Мы видим перспективу дальнейшего развития подхода П. И. Зинченко в продолжении циклов исследований зависимости функционирования мнемических процессов от содержания взаимосвязанной системы разноуровневых компонентов регуляции деятельности. В рамках движения в этом направлении мы считали обоснованным в первую очередь изучить влияние изменения мотивационного состояния человека на динамику параметров актуализируемого им воспоминания. Реализация идей Зинченко за счет обращения к мотивационно-деятельностным детерминантам принципиально расширяет традиционную проблематику когнитивной психологии: анализ «механизмов селективности» и «механизмов доступа» к хранящейся в па-

мяти информации, включая «эффект конгруэнтности настроению», что позволяет системно интегрировать представления о репродуктивных и конструктивных механизмах памяти (обзор этих циклов работ см.: [9]).

В связи с приведенными выше теоретическими положениями **целью** нашего эмпирического исследования стало изучение динамики феноменологических характеристик непроизвольно запечатленного эпизода прошлого при произвольном воспроизведении в условиях изменения смысловой насыщенности его содержания.

В качестве гипотетического фактора детерминации динамических изменений феноменологических характеристик образа воспоминания в нашей работе избрана адресация к одной из наиболее напряженных в современном обществе «базовых» потребностей человека — потребности в безопасности [4]. Мы поставили следующий вопрос: как непроизвольно зафиксированный в памяти эпизод восприятия сообщения о террористическом акте (безусловно, тематически связанный с мотивационной системой «стремления к самосохранению») «отвечает» на колебания напряженности указанной потребности.

Эмпирическое исследование было выполнено на материале автобиографических воспоминаний, которые являются содержанием специфической мнемической подсистемы долговременной памяти — автобиографической. Данный выбор обусловлен тем, что материал в автобиографической подсистеме памяти организован по смысловому принципу, в отличие от хронологического принципа организации эпизодической подсистемы и логического — семантической подсистемы. Автобиографическая память представляет собой мнемический базис существования личности (см.: [6; 9]). Поскольку именно личностная значимость является маркером принадлежности материала к данной подсистеме и определяет конкретные характеристики его воспроизведения, мы предполагаем, что существует высокая чувствительность автобиографического воспоминания к динамическому изменению его смысловой насыщенности.

Проблема динамики непроизвольной трансформации автобиографических воспоминаний

Исследования автобиографической памяти начались с описания феномена «фотографических воспоминаний» [14]. Проведя анализ воспоминаний современников о политических убийствах, «потрясших нацию» (братьев Кеннеди, Мартина Лютера Кинга), Браун и Кулик постулировали существование особого механизма “print now” («запечатлеть сейчас»), мгновенно непроизвольно фиксирующего образ во всей полноте деталей. По мнению авторов, именно осознание значимости происходящего в момент свершения события побуждает память создавать точные копии пережитого. Так чернокожие ис-

пытываемые оценивали убийство Кинга как более лично значимое и, соответственно, продуцировали более детальные и яркие воспоминания об этом событии, чем белые. По утверждению Брауна и Кулика, воспроизведение «фотографических воспоминаний» носит принудительно полный и точный характер, оно абсолютно симметрично акту восприятия. «Это детальные воспоминания обстоятельств, в которых человек впервые узнал о крайне эмоционально волнующем событии. Качество таких воспоминаний практически совпадает с воспринятыми образами. Они, подобно фотографическим снимкам, сохраняют все подробности пережитой сцены», — пишут Браун и Кулик [там же, с. 74]. Таким образом, достаточно долго феномен «фотографических воспоминаний» рассматривался зарубежными исследователями как первичная, «естественная», культурно и деятельностно независимая форма существования автобиографического опыта.

Наиболее последовательным критиком концепции Брауна и Кулика стал Ульрик Найссер [16; 17]. Он убедительно показал, что содержание воспроизводимых автобиографических воспоминаний далеко от полного переноса образа из ситуации запечатления в ситуацию воспроизведения.

В настоящее время преобладает конструктивный взгляд на яркие воспоминания о прошлом. Наши даже самые яркие и субъективно истинные воспоминания не являются «слепками» реальности, двойниками нашего восприятия. При этом, однако, наблюдается переживание высокой субъективной достоверности воспроизведенного содержания, которое и служит причиной его вторичной оценки как точного и полного [21].

В дальнейшем исследователи мнемической подсистемы автобиографической памяти провели цикл исследований, посвященный поиску факторов, определяющих непроизвольные трансформации автобиографических воспоминаний на стадии воспроизведения (см.: [8; 10]).

В качестве условия, провоцирующего действие механизма трансформации содержания воспоминаний при произвольном воспроизведении, исследовались и ситуации включения материала структурированного как автобиографический в немнемические задачи. Так, в наших исследованиях было показано, что создание истории о вымышленном персонаже, включающее описание целевых событий в рамках учебной задачи (например, выполнение упражнений по иностранному языку), значимо повышает вероятность атрибуции аналогичных событий как имевших место в реальном прошлом испытуемого [19; 20; 18]. Полученный результат интерпретировался как эффект ошибочного субъективного повышения «статуса» непроизвольно запомненного материала при его актуализации в рамках иной деятельности. Иными словами, тот материал, который на первом этапе выступал содержанием условия решения познавательной задачи побуждаемой мотивацией достижения, осознавался как содержание цели при актуализации

автобиографической мотивации («вспомнить историю своей жизни»). Данный сдвиг вел к так называемой «ошибочной атрибуции источника воспоминания» [15], т. е. к принятию личностно нейтральной по происхождению информации за автобиографическую, личностно релевантную. Однако и в данном цикле вне рассмотрения остался динамический аспект пластичности воспоминаний при изменении мотивации в момент воспроизведения.

Эмпирическое исследование зависимости субъективной яркости и детальности воспоминания от смысловой насыщенности ситуации воспроизведения

Основная гипотеза эмпирического исследования заключалась в том, что чувственная ткань образа воспоминания испытывает влияние со стороны потребности, актуальной для субъекта в момент воспроизведения.

Частные гипотезы исследования заключались в следующем:

- Связь между феноменологическими характеристиками воспоминания и его смысловой насыщенностью является подвижной: при изменении смысловой насыщенности изменяются и характеристики воспоминания.

- На нарастание актуальности мотива деятельности, в рамках которой выполняется мнемическая задача, чувственная ткань образа воспоминания «отвечает» повышением субъективной яркости, полноты и детальности.

- Процесс изменения феноменологических характеристик воспоминания протекает на неосознаваемом уровне регуляции качества мнемического образа.

Испытуемые. В исследовании участвовали 41 испытуемый, студенты старших курсов московских вузов. Средний возраст испытуемых 21,02, ст. откл. 0,94. Экспериментальная группа состояла из 27 женщин и 14 мужчин.

Методика. Опрос проводился в форме анкетирования. Каждый испытуемый принимал участие в двух опросах с полугодовым интервалом (1-я встреча 20–25 апреля 2002 г., 2-я встреча 25–27 октября 2002 г.). Указанный интервал между опросами был выбран в соответствии с замыслом исследования. Страх перед терроризмом в период первого опроса не был явно представлен в сознании респондентов, в то время как второй опрос проходил непосредственно после захвата заложников террористами-смертниками в театральном центре на Дубровке, что вызвало повышение актуальности удовлетворения базовой потребности в безопасности специфицированной относительно данного вида угрозы.

При каждом опросе испытуемым предлагалось оценить интенсивность и состав эмоциональных переживаний в тот момент, когда они узнали о террористических актах в Москве (9 и 13 сентября 1999 г.), и теперь, когда они вспоминают о случив-

шемся. От испытуемых требовалось сообщить, возникает ли перед их мысленным взором картина произошедшего, и оценить по пятибалльной шкале детальность и яркость воспоминания, его личностную и историческую значимость, а также степень уверенности в точности своих воспоминаний. Испытуемые должны были описать содержание своего воспоминания.

Результаты

По итогам каждой серии было получено по 41 протоколу. Как в первой, так и во второй серии большинство испытуемых (83 % и 80 % соответственно) отчитывались о том, что после получения инструкции у них «перед глазами» возникла целостная картина произошедшего).

И в первой, и во второй серии испытуемые аналогично оценивают интенсивность эмоциональных переживаний в момент сообщения о террористических актах (ср. = 4,28 (0,67) и ср. = 4,2 (0,69), различие не значимо, $t = 0,339$, $SD = 0,93$, $SEM = 0,15$, $df = 40$, $p = 0,736$). Однако существенно расширяется эмоциональный репертуар испытуемых. Если при первом опросе испытуемые говорили, что известие о террористических актах в Москве вызвало у них страх (48 %), ужас (28 %), шок (14 %) и гнев (12 %), то при вторичном опросе номенклатура упомянутых эмоций включала в себя страх; беспокойство, что подобное может произойти с респондентом и его родными; сострадание жертвам; беспомощность; шок; тревогу за свою жизнь; гнев; скорбь; печаль; желание узнать, кто совершил это; ненависть к террористам; недоверие властям; облегчение, что никого из близких не было на месте трагедии; растерянность. Если при первом опросе испытуемые ограничивались указанием одного эмоционального состояния, то при повторном опросе каждый из них называл в среднем четыре эмоции. Обратим внимание, что данные эмоциональные переживания приписываются прошлой ситуации, хотя, конечно, мы имеем дело с эмоциями, переживаемыми здесь и сейчас в момент опроса. Поскольку эмоции представляют собой субъективную форму существования мотивации (С. Л. Рубинштейн), отражающую соотношение интенсивности актуальной потребности и вероятности ее удовлетворения в конкретной деятельности, полученный результат можно считать подтверждением нарастания мотивационной напряженности, связанной с противостоянием террористической угрозе в интервале между первым и вторым опросами.

Оценка интенсивности переживаемых в акте воспоминания эмоций относительно террористических актов в Москве, наоборот, значительно повышается от первого к второму опросу (ср. = 3,08 (0,91) и ср. = 3,5 (0,93), различие значимо, $t = -1,981$, $SD = 1,36$, $SEM = 0,21$, $df = 40$, $p = 0,05$).

Об усилении личностного смысла содержания воспоминания свидетельствуют также повышение

оценок личностной значимости (ср. = 2,95 (0,93) и ср. = 3,5 (0,99), повышение значимо, $SD = 1,01$, $SEM = 0,16$, $df = 40$, $t = -3,439$, $p = 0,000$) и исторической значимости (ср. = 2,32 (0,69) и ср. = 2,65 (0,8), повышение значимо, $SD = 0,76$, $SEM = 0,12$, $df = 40$, $t = -2,69$, $p = 0,01$) события. Значимые различия в мотивационно-смысловых характеристиках воспоминаний представлены на рис. 1.

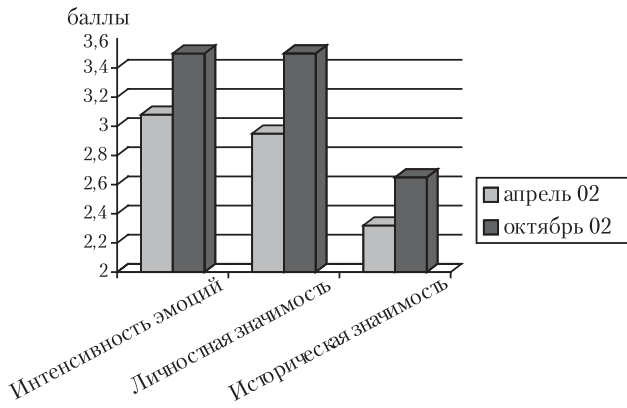

Рис. 1. Динамика мотивационно-смысловых характеристик воспоминания о террористических актах в Москве в 1999 г.

Таким образом, мы ясно видим, что смысловая насыщенность воспоминаний о террористических актах в Москве в сентябре 1999 г. нарастает в период с апреля по октябрь 2002 г., т. е. спустя 2,5 и 3 года после свершения события.

Теперь обратимся к сопоставлению феноменологических характеристик чувственной ткани образа воспоминания. При первом опросе в рассказах о взрывах в Москве часто наблюдалась низкая оценка ясности и точности воспоминания. Например: «Ужасный грохот — все стерлось из памяти», «Развалины домов, плачущие люди, всюду пожарные, помню очень плохо», «Террористы взорвали два дома. Рассказать могу, а образа — нет». При повторном опросе испытуемые более склонны занимать ассоциированную позицию по отношению к происшедшему, как бы снова переживать событие «изнутри». Они описывают свои действия и чувства в прошедшей ситуации, т. е. вносят полученное известие в контекст своей прошлой деятельности. Например: «Я спала, когда ночь разорвал взрыв. Сначала я подумала, или это мне снится, или у меня сейчас голова лопнет от грохота. Я вскочила и побежала на балкон. Там было тихо, но через мгновение завывли автомобильные системы сигнализации. И тут же поднялась пыль. Я подумала, что кто-то взорвал машину. Потом родители принесли бинокль, и мы увидели, что дома на другой стороне просто нет»; «Взрыв на Каширке рядом с домом, слышали сами, поняли, что взрыв, ждали в 6 утра новостей. Телефоны не работали, никому нельзя было позвонить». Некоторые испытуемые описывают трагедию с позиции стороннего наблюдателя: «Сначала часов в 5 утра был взорван одноподъездный дом, в его подвал заложили взрывчатку. У соседних домов вылетели стекла. Через

неделю был взорван средний подъезд во втором многоподъездном доме. Нашли следы того же взрывчатого вещества. Запомнилась картинка — обломки домов, части мебели, спасатели, слезы»; или «Ночь, частично освещенный разрушенный дом: одна половина стоит, другая развалилась, плачущие люди, спасатели ведут работы».

В соответствии с гипотезами нашего исследования особенно важно проследить наличие динамики таких параметров образа воспоминания, как яркость и детальность. Для обоих параметров наблюдается значительное повышение средних оценок. Субъективная оценка яркости образа повышается испытуемыми на 1,5 балла (ср. = 1,27 (0,5) и ср. = 2,775 (0,92), повышение значимо, $SD = 1,06$, $SEM = 0,17$, $df = 40$, $t = -8,932$, $p = 0,00$). Субъективная оценка детальности образа повышается испытуемыми на 1 балл (ср. = 2,55 (0,68) и ср. = 3,55 (0,93), повышение значимо, $SD = 1,1$, $SEM = 0,18$, $df = 40$, $t = -5,701$, $p = 0,00$). Нарастание чувственной ткани образа связано с повышением субъективной достоверности воспоминания. Спустя полгода после предыдущего опроса испытуемые больше доверяют точности своего воспоминания (ср. = 2,88 (0,75) и ср. = 3,86 (0,87), повышение значимо, $SD = 0,97$, $SEM = 0,14$, $df = 40$, $t = -6,641$, $p = 0,00$). Иными словами, становясь субъективно более ярким и детальным, воспоминание делается более убедительным для самого вспоминающего. Значимые различия в феноменологических характеристиках воспоминаний представлены на рис. 2.

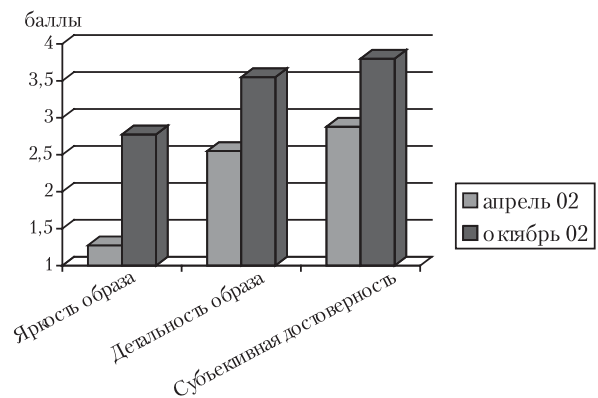

Рис. 2. Динамика феноменологических характеристик образа воспоминания о террористических актах в Москве в 1999 г.

Обсуждение результатов

В эмпирическом исследовании нам удалось показать, что такие характеристики мнемического образа, как яркость и детальность, не только не являются стабильными во времени, но и не всегда подчиняются классическим закономерностям функционирования памяти, предсказывающим угасание мнемического следа со временем. Напротив, нами было установлено, что данные параметры образа динамично изменяются,

причем это изменение детерминировано скорее не временными, а деятельностными факторами.

В методологически важных работах ученика П. И. Зинченко Г. К. Середы [12] проводится различие двух традиций исследования памяти — ретенциональной и интенциональной. В первом случае дефинитивным атрибутом памяти полагается фиксация и сохранение, а во втором — извлечение и воспроизведение. Если фиксацию, т. е. формирование следа памяти за счет электрических, химических или структурных изменений в нервной системе, в принципе, возможно рассматривать нефункционально (например, как некоторое свойство мозга), то процесс воспоминания немисл без описания той деятельности (а следовательно, ценностей, мотивов и целей), составляющей которой он является.

Культурно-деятельностная методология включает в качестве центрального постулата принцип активности, т. е. избыточной по отношению к ситуации здесь и теперь устремленности субъекта к цели [1, с. 123 — 134]. Память понимается тогда не как реактивное «хранилище» отпечатка эмпирики жизни, а как текучий, постоянно приноравливающийся к целям человека процесс согласовывания пережитого с превосходящим, как ресурс прогрессивного развития личности. Отсюда представление о подвижности структурно-функциональных единиц памяти, которые в зависимости от мотивов, целей и условий актуализации обретают уникальную конфигурацию потенциально возможных характеристик. Определяющим конкретную феноменологию памяти при этом является место материала прошлого опыта человека в структуре его деятельности на стадии как запоминания, так и воспроизведения.

Воспоминания приобретают тот или иной смысл только как референты жизнедеятельности человека в свете его жизненных целей и условий, препятствующих или благоприятствующих их достижению. Соответственно, динамика отношений мотивов и целей субъекта проявляется в том числе в изменении интенсивности эмоционального переживания в процессе воспоминания о событии прошлого и в изменении феноменологических характеристик самого воспоминания.

При первом опросе (апрель 2002) проблема личной безопасности перед лицом террористической угрозы не была для респондентов первоочередной, несмотря на международную ситуацию и суггестивные закливания СМИ о том, что «после 11 сентября мир изменился». Содержание события было запечатлено в памяти испытуемых непроизвольно, в связи с принадлежностью к операциональному уровню деятельности, которая разворачивалась в тот момент времени. При этом базовая потребность в безопасности выполняла смыслообразующую, но не побуждающую функцию, что тем не менее обусловило достаточно высокий уровень непроизвольного запоминания. В рамках мнемической задачи «вспомнить о террористических актах в Москве в сентябре 1999 г.» при первом опросе в апреле 2002 г. испытуемые приняли заданную цель как необходимую часть взаимодействия с исследова-

телем в рамках познавательной деятельности (принять участие в исследовании памяти). В связи с этим при воспроизведении наблюдался средний уровень яркости и полноты образа воспоминания.

Второй опрос производился непосредственно после захвата террористами заложников в театральном центре на Дубровке (21 октября 2002). В свете вновь сложившихся обстоятельств мотив личной безопасности стал для москвичей значительно более актуальным. Именно в этом мы видим причину обратного описанному Томпсоном эффекта ретроспективного снижения аффекта [22]: воспоминание о террористических актах 1999 г. стало более волнующим, потому что оно сделалось более личностно значимым. Произошло это, так как угроза терроризма была вновь осознана как реально существующая. Осуществилась своеобразная «реставрация» смысловой иерархии испытуемых осени 1999 г. Другими словами, то же мнемическое содержание было включено в иную систему деятельности и приобрело иной личностный смысл. Казалось бы, аналогичная первой серии исследования мнемическая задача субъективно предстала испытуемым как возможность выразить свою тревогу, поделиться ей с исследователем. В этом случае цель — «вспомнить» — выступила как относящаяся к актуально фрустрированному и напряженному мотиву безопасности.

Механизм данного процесса, по-видимому, заключается в том, что различные аспекты актуализируемых в сознании воспоминаний выступают как единая взаимообусловленная система «чувственной ткани — значения (характера вербализации) — смысла», отражающая мотивационные и целевые детерминанты процессов запоминания и воспроизведения содержаний памяти. Тогда наращивание смысла содержания через актуализацию его в рамках более высокомотивированной деятельности как бы иррадирует на другие образующие сознания — чувственную ткань и значение. В нашем исследовании влияние полюса смысла на значение проявилось в повышении оценок исторической значимости событий, а влияние полюса смысла на чувственную ткань образа — в повышении оценок субъективной яркости и детальности воспоминания.

Таким образом, основываясь на деятельностной интерпретации феномена памяти как целостной системы личного опыта, обеспечивающей целенаправленную жизнедеятельность субъекта, мы смогли выявить новый феномен присущий ее работе. Суть указанного феномена заключается в соответствии динамики изменения феноменологических характеристик воспоминаний (яркости и детальности образа) динамике деятельностного смыслообразования.

Выводы

Развитие идей П. И. Зинченко о наличии механизмов непроизвольной памяти, зависящих от функциональной роли материала в структуре деятельности субъекта, привело нас к формулированию принципа «деятельностной специфичности кодирования».

Принцип «деятельностной специфичности кодирования» предполагает детерминацию мнемических процессов соотношением материала с содержанием разноуровневых регуляторов актуально осуществляемой деятельности (ценностей, мотивов, целей, смыслов, способов реализации).

Принцип «деятельностной специфичности кодирования» распространяется на процессы как запечатления материала в памяти, так и его воспроизведения. Данные процессы не являются симметричными, поскольку определяются взаимным соотношением соответствующих компонентов регуляции прошлой и будущей деятельностей.

Ретроспективный анализ теоретических и эмпирических исследований автобиографической памяти подтверждает продуктивность применения концепции П. И. Зинченко к объяснению механизмов работы данной когнитивно-личностной мнемической подсистемы, обеспечивающей аутоидентичность человека.

Поскольку ведущим системообразующим основанием организации материала мнемической подсистемы автобиографической памяти является личный смысл, эффекты, открытые П. И. Зинченко, наиболее значимы при работе данной подсистемы.

Результаты проведенного нами эмпирического исследования показывают, что не только количественные, но и качественные характеристики мнемического продукта определяются местом в структуре деятельности.

При изменении смысла мнемического действия за счет изменения его мотивационной основы происходят разнонаправленные трансформации феноменологических свойств мнемического образа.

В том случае когда мнемическая цель входит в структуру высокомотивированной деятельности, нарастает субъективная насыщенность чувственной ткани мнемического образа, что ведет к увеличению его субъективной достоверности.

Литература

1. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007.
2. Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
3. Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание. М., 1961.
4. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.
5. Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.
6. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000.
7. Нуркова В. В., Бернштейн Д. М., Лофтус Э. Ф. Эхо взрывов: сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк) // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1.
8. Нуркова В. В., Бернштейн Д. М. Корреспондентный подход в изучении памяти и проблема истинности воспоминаний // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. 2 / Под общ. ред. Б. С. Братуся, Е. Е. Соколовой. М., 2006.
9. Нуркова В. В. Память. Общая психология: В 7 т. / Под ред. Б. С. Братуся. Т. 3. М., 2006/2008.
10. Нуркова В. В. Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования: Сборник науч. трудов / Под ред. В. Д. Соловьева и Т. В. Черниговской, М., 2008.
11. Поліванова О. Є. Особливості взаємозв'язку мотиваційної сфери особистості та процесу запам'ятовування: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Харків, 1997.
12. Середя Г. К. Теоретическая модель памяти как механизма системной организации индивидуального опыта // Психология деятельности и познавательных процессов. Вестн. Харьк. ун-та. 1984. № 253.
13. Цицерон Марк Туллий. Эстетика. Об ораторе / Пер. Ф. А. Петровского. М., 1994.
14. Brown R., Kulik J. Flashbulb memories // Cognition. 1977. № 5.
15. Johnson M. K. Identifying the origin of mental experience // The Mythomaniacs: The Nature of Deception and Self-Deception / Myslobodsky M. S. (Ed), Mahwah, NJ, 1997.
16. Neisser U. Snapshots or benchmarks? // Memory observed / U. Neisser (ed.) San Francisco, 1982.
17. Neisser U., Harsch N. Phantom flashbulbs: False recollections of hearing the news about Challenger // Affect and accuracy in recall / Ed. by E. Winograd, U. Neisser. N. Y., 1992.
18. Nourkova V. V., Bernstein D. M. Imagination Inflation After a Change in Linguistic Context // Psychology in Russia. State of the Art / Eds. Juri P. Zinchenko, Victor F. Petrenko, M., 2008.
19. Nourkova V. V., Bernstein D. M., Loftus E. F. Altering traumatic memories // Cognition and Emotion, 2004, № 4.
20. Nourkova V. V., Bernstein D. M., Loftus E. F. Biography becomes autobiography: Distorting subjective past // The American Journal of Psychology. 2004. Vol. 117. № 1.
21. Talarico J. M., Rubin D. C. Confidence, not Consistency, Characterizes Flashbulb Memories // Psychological Science. 2003. 14.
22. Thompson C. P., Skowronski J. J., Larsen S. F., Betz A. L. Autobiographical Memory: Remembering What and Remembering When. Mahwah, New Jersey, 1996.
23. Tulving E. Origin of Autonoesis in Episodic Memory. In The nature of Remembering: Essays in honor of Robert G. Crowder. H. L. Roediger III, J. S. Nairne, J. Neath, and A. M. Surprenant (eds.). Washington, 2001.
24. Tulving E., Thomson D. M. Encoding specificity and retrieval processes in episodic memory // Psychological Review. 1973. 80.

The Dependence of Phenomenological Characteristics of Mnemonic Image from the Motivational-Semantic Dynamics of Activity

V. V. Nourkova

Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, M. V. Lomonosov Moscow State University

The study develops ideas of P. I. Zinchenko on activity (motivational) regulation of mnemonic processes. The study was carried out on the memories of the Moscovites about terrorist attacks in Moscow in September 1999. The data was collected with the semi-year interval in April and October 2002. Findings indicate that characteristics of mnemonic image are not stable over time. Some parameters of the «sensory fabric» of the mnemonic image (subjective vividness and completeness) and its meanings (evaluation of the historical significance of a past event) vary in accordance with the semantic saturation dynamics of recollected material. These dynamics are associated with the occurrence of events with similar semantic content – the capture of hostages in the theater center on Dubrovka in October 2002. The effect is interpreted based on the following. Increasing the meaning of mnemonic content by its actualization in the framework of a more highly motivated activity irradiates on the other elements of consciousness – the sensory fabric and meaning.

Keywords: Involuntary Memory, Autobiographical Memory, Activity Determination of the Mnemonic Processes.

References

1. *Asmolv A. G.* Psihologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka. M., 2007.
2. *Bruner Dzh.* Psihologiya poznaniya. M., 1977.
3. *Zinchenko P. I.* Neproizvol'noe zapominanie. M., 1961.
4. *Maslou A.* Motvaziya i lichnost'. SPb., 1999.
5. *Naysser U.* Poznanie i real'nost'. M., 1981.
6. *Nurkova V. V.* Svershennoe prodolzhaetsya: Psihologiya avtobiograficheskoy pamyati lichnosti. M., 2000.
7. *Nurkova V. V., Bernshteyn D. M., Loftus E. F.* Echo vzryvov: sravnitel'nyy analiz vospominaniy moskvichey o terroristicheskikh aktakh 1999 g. (Moskva) i 2001 g. (N'yu-York) // Psihologicheskii zhurnal. 2003. T. 24. № 1.
8. *Nurkova V. V., Bernshteyn D. M.* Korrespondentnyy podchod v izucheni pamyati i problema istinnosti vospominaniy // Uchenye zapiski kafedry obschey psichologii MGU im. M. V. Lomonosova. Vyp. 2 / Pod obsch. red. B. S. Bratusya, E. E. Sokolovoy. M., 2006.
9. *Nurkova V. V.* Pamyat'. Obschaya psichologiya: V 7 t. / Pod red. B. S. Bratusya. T. 3. M., 2006/2008.
10. *Nurkova V. V.* Doverchivaya pamyat': Kak informaziya vključaetsya v sistemu avtobiograficheskikh znaniy // Kognitivnye issledovaniya: Sbornik nauch. trudov / Pod red. V. D. Solov'eva i T. V. Chernigovskoy, M., 2008.
11. *Polivanova O. E.* Osoblivosti vzaemov'yazku motivazionoi sferi osobitosti ta prozesu zapam'yatovuvannya: Avtoref. dis. ... kand. psichol. nauk. Charkiv, 1997.
12. *Sereda G. K.* Teoreticheskaya model' pamyati kak mehanizma sistemnoy organizazii individual'nogo opyta // Psihologiya deyatel'nosti i poznavatel'nykh prozessov. Vestn. Char'k. un-ta. 1984. № 253.
13. *Zizeron Mark Tulliy.* Estetika. Ob oratore / Per. F. A. Petrovskogo. M., 1994.
14. *Brown R., Kulik J.* Flashbulb memories // Cognition. 1977. № 5.
15. *Johnson M. K.* Identifying the origin of mental experience // The Mythomanias: The Nature of Deception and Self-Deception / Myslobodsky M. S. (Ed), Mahwah, NJ, 1997.
16. *Neisser U.* Snapshots or benchmarks? // Memory observed / U. Neisser (ed.) San Francisco, 1982.
17. *Neisser U., Harsch N.* Phantom flashbulbs: False recollections of hearing the news about Challenger // Affect and accuracy in recall / Ed. by E. Winograd, U. Neisser. N. Y., 1992.
18. *Nourkova V. V., Bernstein D. M.* Imagination Inflation After a Change in Linguistic Context // Psychology in Russia. State of the Art / Eds. Juri P. Zinchenko, Victor F. Petrenko, M., 2008.
19. *Nourkova V. V., Bernstein D. M., Loftus E. F.* Altering traumatic memories // Cognition and Emotion, 2004, № 4.
20. *Nourkova V. V., Bernstein D. M., Loftus E. F.* Biography becomes autobiography: Distorting subjective past // The American Journal of Psychology. 2004. Vol. 117. № 1.
21. *Talarico J. M., Rubin D. C.* Confidence, not Consistency, Characterizes Flashbulb Memories // Psychological Science. 2003. 14.
22. *Thompson C. P., Skowronski J. J., Larsen S. F., Betz A. L.* Autobiographical Memory: Remembering What and Remembering When. Mahwah, New Jersey, 1996.
23. *Tulving E.* Origin of Autonoesis in Episodic Memory. In The nature of Remembering: Essays in honor of Robert G. Crowder. H. L. Roediger III, J. S. Nairne, J. Neath, and A. M. Surprenant (eds.). Washington, 2001.
24. *Tulving E., Thomson D. M.* Encoding specificity and retrieval processes in episodic memory // Psychological Review. 1973. 80.